

Константин Фрес

Ловушка для Инквизитора

«Литнет»

Константин Фрес

Ловушка для Инквизитора / Константин Фрес — «Литнет»,

- Вы будете моей... - Ах, вот как, господин Инквизитор! Думаете, ваше высокое положение, личное обаяние и привлекательная внешность позволят вам сделать своей любую женщину города?! Я замужняя дама, между прочим! И мой ответ вам - нет! - ... моей помощницей, - договорил Инквизитор, насмешливо изогнув бровь. - Но ход ваших мыслей мне нравится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ловушка для Инквизитора

Автор: Константин Фрес

Глава 1

– Эй, дура ленивая, корова толстозадая! Поворачивайся живее, да тащи мне скорее свежего пива, а то в глотке пересохло! Я что, должен подохнуть от жажды, пока ты соизволишь пошевелиться?! Быстрее давай!

Рыжебородый Патрик с вытаращенными жидко-голубыми глазами изо всех сил грохнул по столу кружкой, да так, что та раскололась, а Патрик расхохотался скотским хохотом. То, что он принес ущерб, хоть и небольшой, наполняло его гадкую душу счастьем, и он с удовольствием наблюдал, как трактирщица – милая молодая женщина с лучистыми светлыми глазами и каштановыми вьющимися волосами, – со вздохом собирает осколки.

Пятая кружка за неделю; Патрик словно разорить ее собрался. Да и муж будет недоволен.

– Моя покойная прабабка живее тебя, – с ненавистью шипел коротышка Патрик, так и пожирая девушку глазами. Разве что слюни не текут на стол. Тронуть трактирщицу он не осмеливался – в прошлый раз его шутки и приставания окончились звонкой оплеухой. И над ним потешалась вся таверна, украдкой фыркая в кулачки. – Ты и в постели такая же дохлая? Бревно бревном. Не повезло Ричарду.

И он первый расхохотался над своей гадкой шуткой, а его компания вторила ему нетрезвыми голосами.

– Все равно моей будешь, – отсмеявшись, зло прошипел Патрик. – Строптивая кобылка... таких объезжать самый смак!

Трактирщица вскинула на него дерзкий взгляд зеленых глаз, но почти сразу же отвела. И промолчала. Не стала связываться.

– Ух, хороша, чертова кукла! – рявкнул Патрик, хлебнув остатки самогона прямо из бутылки и утерев подбородок, поросший рыжей колючей щетиной. – Как есть – некромантка. Надо бы на дыбу ее подвесить, да пощекотать ей голую задницу хлыстом. Сразу поговорчивее будет. Ну, дождусь я сегодня пива или что!?

По-хорошему, Ричард, муж трактирщицы, должен был бы спуститься сверху, из своей комнаты, где он считал прибыль за день, да наподдавать Патрику по шее хорошенько. Но он никогда не сделал бы этого. Во-первых, Патрик был его другом, и Ричард ценил и уважал его больше собственной жены, пусть даже и хорошенькой, юной и свежей.

Во-вторых, до жены Ричарду как будто совсем не было дела. Ну, баба и баба. Годится только на то, чтоб работать хорошенько да вертеться под ним в постели. Патрик неуважителен? Лапает за задницу? Ничего, от жены не убудет!

А в-третьих, Патрик был местным клириком, посланником магии на земле. Он мог обвинить любого горожанина в черной магии, одного его слова было достаточно, чтоб любого ухватили и возвели на костер, будь то хоть Патриков родственник. Поэтому Ричард разумно рассудил, что пусть лучше его жена потерпит потные ладошки Патрика за пазухой, чем он, Ричард, потерпит языки пламени, лижущие ему пятки.

Патрик это тоже понимал и бессовестно этим пользовался. Высший Инквизиторий в этот забытый магией городишко не навещался никогда, и Патрик почувствовал свою полную безнаказанность и неограниченную власть. Ему ничего не стоило придумать какое-нибудь несуществующее правило или закон, чтобы сильнее запугивать темных людишек. Никто его не мог поправить и дерзить ему не отваживался.

Свою паству он держал в ежовых рукавицах и никто ему и слова не смел сказать поперек. На костер строптивую бабу – юную трактирщицу, – он вести не торопился. Все ж рассчитывал получить свое. А пока не получил – мучил ее и брал измором.

...За стенами трактира была непроглядная ночь и жуткий туман, который словно для того и создан, чтоб порождать чудовищ и вурдалаков. Нестерпимый, лютый, почти зимний холод пронизывал до костей, ветви деревьев дрожали, боясь подстерегающих во мраке ужасов. Поэтому стук в двери был словно крик о помощи от заблудшей души, и трактирщица к великому неудовольствию Патрика поспешила не за пивом для него, а открыть припозднившемуся гостю.

– Кого это демоны носят в такой поздний час?! – разгунделся Патрик. – Добрые люди по домам сидят, а в тумане бродят только оборотни! Не открывай этому ублюдку, дура! Пусть катится туда, откуда явился!

Но строптивая трактирщица вновь сверкнула на Патрика зелеными злыми глазами.

– Выгнать гостя в холод и мрак? Сердца у вас нет. Он наверняка замерз и измучен, и его лошади валяются с ног. Далеко ли он уедет? Где будет искать ночлега в такой час, если я ему откажу?

– Мне все равно, – отозвался Патрик. – Я не хочу, чтоб кто-то портил мне вечер своим нежелательным присутствием.

– Это мой трактир, – ответила девушка. У нее был красивый, твердый голос, в котором не угадывалось ни капли страха. – Только мне решать, кто будет здесь принят, а кто нет!

– Упрямая дура! – разозлился Патрик. – Вот порвет тебя оборотень – и проделом тебе будет! Или постой, ты с оборотнями заодно!? Ведьмино отродье... надо б сжечь тебя на площади! Выставить с голыми сиськами у столба и подпалить тебе ляжки!

– Раз я заодно с оборотнями, – огрызнулась трактирщица, – вот сейчас впущу его сюда, и тогда посмотрим, чьим ляжкам будет жарче, моим или твоим!

– Стерва! – выкрикнул Патрик.

Трактирщица уже не слушала его; она выглянула в окошечко и торопливо отодвинула засов. По всему выходило, что за дверями не оборотень, а человек, и девушке он опасения не внушал.

А вот Патрик, едва увидев нового гостя, даже зарычал, кусая рыжий ус, и его тараканы глазки налились кровью от злобы.

Приезжий – а это был именно приезжий, потому что жителей своего городишки Патрик знал наперечет, – был высок, строен и хорошо одет, в черные модные брюки, дорожные сапоги и строгое пальто из очень дорогого черного материала, застегнутое на два ряда блестящих пуговиц. На руках его были изумительной белизны перчатки – даже простыни местных девиц были не такие белые, – а лицо...

– Да ты, верно, сын преисподней, и этот злой туман породил тебя! – рыкнул Патрик, рассматривая белоснежную кожу незнакомца, белоснежную гриву волос, рассыпавшихся по плечам, и алые глаза. – Альбинос! Нечисть!

Альбинос перенес его вопли молча, недобро разглядывая местного клирика. Туман осел на его плечах мелкими каплями, альбинос спешно стаскивал свои белые перчатки, чтоб согреть руки у огня, и ссору с Патриком явно оставлял на потом.

– Проходите ближе к огню, – меж тем суежилась трактирщица. – Вы, верно, устали? Давно в пути?

– Три дня, – холодно ответил альбинос. – По делам в вашем городе.

– Извольте снять комнату? – меж тем заботливо ворковала трактирщица, отчего-то раскрасневшаяся и разулыбавшаяся. – Наверху у нас есть вполне приличные ком...

Договорить она не успела; Патрику ее заботливость по отношению к приезжему франту очень не понравилась. К тому же, местный клирик ощутил свою ущербность на фоне щеголя.

Обгрызенные ногти с траурной каймой против белых перчаток, грязная, поношенная сутана, застиранная до уныло-серого цвета против модного добротного пальто и небритая, пьяная свинья харя против тонких черт белоснежного лица – Патрик явно был в проигрыше.

Сердце его резанула ревность.

Женщина, которую он уже считал своей и от которой так и не добился ни единой улыбки, просто так стелилась перед приезжим! И ему ужин и выпивку подала махом, а Патрик половину вечера не может допроситься у нее свежего пива!

– Сын погибели! – проорал злобно Патрик, увидев, что приезжий берет вилку левой рукой. – Левша! Отражение демона! Да куда ты смотрела, толстозадая курица, когда пускала его в трактир! Этот франт намного хуже, чем оборотень! На костер его!

– Только кричите, – внезапно вступился за приезжего тощенький, застенчивый паренек-служба, смущенно приглаживая смоляную шевелюру, остриженную под горшок. – А оборотни ничего дурного вам не сделали. Да и вообще никому! И на приезжего человека наговариваете зря. А он просто левша.

Патрик перевел взгляд злобных, мутных глаз на мальчишку, и тот в панике зашатался, как осина на ветру, не зная, в какую сторону бежать, чтоб скрыться от злобного пастыря.

– Ничего дурного!? А кто передушил всех овец?!

– Так волк же, – промямлил мальчишка. – Его давеча же подстрелили...

Но Патрик не слушал его.

– Вот поставим этого призрака тебе на спину, защитник оборотней и демонов, – мстительно прошипел он, – обложим вас двоих хворостом и подпалим! Славный костер будет!

– Не связывайся с ним, Густав, – сказала хозяйка. – Поди лучше позаботься о лошадях господина.

– На костер? За что? – меж тем заинтересованно поинтересовался приезжий. Он уписывал свой ужин, с любопытством прислушиваясь к перебранке. Ни капли страха не отражалось в его чертах, видимо, он не понимал, что над головой его нависла настоящая беда. – Вы собрались меня сжечь за то, что я ем левой рукой?!

– Как будто этого мало! – фыркнул Патрик.

– Но это неправильно, – с легкой улыбкой произнес альбинос, уставившись своими алыми глазами на взбешенного Патрика.

Его тонкое, красивое, породистое лицо так и лучилось доброжелательностью, и Патрика это взбесило еще больше.

– Здесь я решаю, – рявкнул он, – что правильно, а что не очень! Это мой город! Я здесь закон! Эй, ребята – хватайте этого фанфарона! Сейчас мы нанижем его на вертел и испечем, поливая маслом!

Помощники Патрика с готовностью ринулись на альбиноса с победными криками, и первый же, кто собрался коснуться его, отлетел обратно, сшибая прочих с ног, как кегли.

Тонкий, изящный, такой чистенький и светлый молодой человек внезапно оказался очень силен, буквально так невероятно, магически. Он отвесил нападавшему такую оплеуху, что челюсть службе клирика сломал и распечатал нос.

Вмиг его доброжелательность сменилась сосредоточенной злостью, он подскочил на ноги, сжав кулаки. Патрик, рассматривая свою растерявшуюся команду, считающую на полу потерянные зубы, взвыл.

К настоящим схваткам клирик и его помощники были не готовы. Что там – девку утащить в застенки, или деревенского дурачка пинками загнать в подвал – это легко. А тут, кажется, посерьезнее противник нарисовался... привыкший к дракам, тренированный, ловкий.

– Ах ты, – вопил Патрик, выхватив свою волшебную палочку и наставляя ее на альбиноса. – Некромант, поди?! А ну, покажи свою палочку! Я хочу видеть ее, нечисть!

– С превеликим удовольствием, – елеинным голосом произнес альбинос и с грозным звоном выхватил черный длинный узкий меч с перевитой гардой. – Сейчас я вас буду учить, что есть правильно, а что нет, мерзавцы.

Увидев черное острие, нацеленное ему в грудь, Патрик как-то незаметно для самого себя оказался на жопе, уползая в дальний угол, как краб, задом наперед.

– Магия пресвятая, – шептал Патрик, пуская лужу. – Высший Инквизитор...

– Выше некуда, – поддакнул альбинос. – Позвольте представиться – Тристан Пилигрим, королевский бастард. Ну? Еще построишь догадки о том, какая нечисть меня породила?

Страшный альбинос наступал неторопливо, угрожающе покачивая своим оружием, и Патрик уже здорово пожалел, что ввязался в ненужную ссору с приезжим. Совсем позабыл о том, что весь остальной мир, в отличие от его городишки, живет совсем по другим правилам!

– Так значит, – тяжело произнес Тристан, сверкая красными глазами, – оборотни тебе не нравятся? А ты кто таков, чтоб решать, кому жить, кому умереть? Магия сотворила их таковыми Это их естество и их особая магия. Ты что, умнее магии?

Патрик отчаянно затряс головой, отрицая всяческий свой ум, да так, что его обрюзгшие щеки заходили, как холодец, и Тристан опустил меч.

– Руку целуй, – брезгливо произнес он, протягивая белоснежную тонкую кисть Патрику. Величайшая милость, какой удостаивались только короли и красивые дамы!

Патрик радостно свернул мокрые красные губы трубочкой и потянулся к руке Инквизитора. Но тот вот же хитрый гад! – почти на размахиваясь, вдруг влепил ему сокрушительную пощечину, да так, что зубы лязгнули и ум закатился за разум. Патрик, вытаращив глаза, со свернутыми в трубочку губами, крутнулся и воткнулся носом в пол. Сознание почти вылетело из его головы.

– Скольких людей ты сжег, – голос Инквизитора над головой грохотал как гром в лихую грозу, – только за то, что они ели левой рукой?!

Поверженный Патрик молчал.

Он был слишком потрясен, чтобы говорить.

– Троих, ваша милость, – снова влез осмелевший мальчишка-служка, обрадованный тем, что появился тот, кто сможет обуздать жестокость Патрика.

– Троих, значит, – задумчиво произнес Тристан – и снова протянул руку слегка очухавшемуся Патрику. – Целуй!

Патрик снова послушно сложил трясущиеся губы в трубочку, преданно заглядывая Инквизитору в глаза. Он знал, что сейчас последует, но ослушаться не рискнул.

Предчувствия его не обманули.

Инквизитор – на сей раз резко размахнувшись, – что есть силы врезал по щетинистой физиономии Патрика, и тот, два раза обернувшись вокруг своей оси, рухнул, как боксер, пропустивший хук в челюсть.

– Завтра, – тяжело отпыхиваясь, встряхивая узкой, заалевшей кистью, произнес Тристан, – я жду этого мерзавца на площади. Напомню ему, что значит служение...

Хозяйка проводила Инквизитора до самой лучшей, самой дорогой комнаты – в ней была ванна, кран с горячей водой и самая удобная постель во всей гостинице, – а сама вернулась в зал, чтобы подмести осколки, собрать выбитые зубы и замыть пятна крови.

Патрика и его шайки уже не было. Патрик не осмелился даже спрятаться и дожидаться женщину, чтобы отомстить ей за то, что она впустила инквизитора, хотя эта выходка была бы полностью в его духе, и молодая женщина спускалась в зал с опаской.

Однако, обошлось.

Она закончила с уборкой ближе к полуночи. От работы ломило поясницу, глаза слипались – так хотелось спать, – но она все же решила постучаться к новому постояльцу, узнать,

не нужно ли чего. Признаться, ею двигало не только любопытство – ранее никто из важных господ не посещал их маленького городка.

Молодой инквизитор не только своими магическими способностями и белыми перчатками смутил ее разум. Молодая женщина, из всех сил сопротивлялась свербящему, зовущему чувству, но ее словно на аркане тянуло туда, в комнату, освещенную присутствием красивого альбиноса.

«Да, красивый», – думала она, поднимаясь по скрипучей лестнице и с замиранием сердца приближаясь к дверям комнаты.

Она постучала, но ей никто не ответил? Спит уже? Тут бы ей и уйти, но ноги не несли прочь. Инквизитор словно приколдовал ее. Хозяйка делала шаг назад, к лестнице, но почти тотчас же возвращалась к двери снова и в нерешительности останавливалась.

«Войду, – решила, наконец, она, обнаружив, что дверь не заперта. – В конце концов, это мой долг – заботиться о посетителях».

Она вошла, крадучись, и тотчас со вскриком рванула обратно, к дверям, едва не уронив свечу, потому что необычный гость ее, отодвинув в сторонку ширму и загородив ею окно, блаженствуя, лежал в ванне, отогревая уставшее тело в горячей воде.

На его гладком ровном лбу сияли капли пота, руки свободно лежали на бортах ванны, голова была откинута на валик, который инквизитор соорудил из банного полотенца. Все то, что приличной замужней женщине видеть было нельзя, было погружено в воду и замаскировано пышными хлопьями пены.

– А, вот вы, наконец, – произнес инквизитор, приоткрыв один глаз. – Что ж так долго-то. Я зову, зову. Ну, куда же вы побежали?

Это означало лишь одно – инквизитор действительно приманил ее своей магией. Все равно что пальцем подманил.

– Вы не одеты, ваша милость, – пролепетала женщина, пряча глаза. Стыд-то какой! Если муж узнает, что она была в одной комнате с голым мужчиной!..

– Ничего он не сделает, – угадав ее мысли, или даже магически прочитав их, ответил инквизитор. – Я не замышляю ничего дурного против вас и вашей чести. Вы мне нужны для дела.

– Это вы так считаете, – немного осмелев, произнесла хозяйка гостиницы, – что ничего дурного нет в том, что вы без штанов, а я в одной комнате с вами заперта. У мужей же на эти вещи совсем другие взгляды.

Инквизитор усмехнулся и плеснул себе на голую грудь пригоршней теплой воды. На безымянном пальце его сверкнуло тонкое золотое кольцо.

– Вы тоже женаты, ваша милость? – невольно произнесла молодая женщина, ступив ближе.

– Был женат, – поправил инквизитор глухо, пряча руку с кольцом под водой. – Это были длинные и счастливые тридцать лет жизни... да...

Расслабленность исчезла из его позы, он уселся в воде, нервно сжимая губы. Казалось, он рад был бы тотчас покинуть ванну и сбежать прочь и от неприятного разговора, и от женщины, которую сам же и позвал, но не мог – штанов на нем точно не было. А к слишком близкому знакомству с местными красавицами он был явно не готов.

– Тридцать лет?! – изумилась хозяйка гостиницы. Эта странная цифра – тридцать лет, – никак не вязалась с молодым инквизитором, который и сам-то едва выглядел на эти годы.

– Я немного старше, чем это может показаться, – пояснил инквизитор, глядя исподлобья на женщину.

– И что же произошло?... – шепнула она.

Невероятным образом она очутилась рядом с ванной. Влажная рука мужчины, светясь колдовской белизной, лежала на бортике, и женщина не смогла побороть искушение – коснулась белых пальцев, будто проверяя, призрак ли перед ней или живой человек из плоти и крови.

Пальцы были мокрые горячие. И совершенно точно живые.

– Три года назад, – не приветливо ответил инквизитор, – некие люди... назовем их так... словом, они совершили покушение на нас. Она погибла. Именно поэтому я тут. Расследование привело меня в ваш город.

Он шевельнулся, вода плеснулась, и на белоснежной груди, напротив сердца, женщина успела разглядеть черное, как налитый кровью синяк, пятно. Что-то зловещее, будто оскаленный череп.

– Магия пресвятая, – воскликнула она, протянув руку и касаясь горячей кожи инквизитора, – да вам тоже в драке досталось! Вы ранены?!

– Нет, – ответил инквизитор, поймав ее за руку. – Это старое. Этой ране три года. Они метили мне прямо в сердце.

Он с силой прижал ее ладонь к своей груди, и она услышала, как бьется его сердце – ровно и спокойно.

У инквизитора были очень спокойные губы и глаза. Но коснувшись его сердца, женщина с криком отпрянула, потому что ощутила его печаль и тяжелую, черную, как смола, тоску. Яркий образ мелькнул в ее воображении, рыжие кудри и зеленый шелк, расшитый тонкой вышивкой, словно растворенный в свете солнечного утра, и нежный голос, посмеиваясь, шепнул: «Тристан! Тристан!»

Молодая женщина вдруг поняла, что инквизитор невероятным образом затащил ее в ванну, к себе, в горячую воду, уложил к себе на грудь, и теперь его снежно-белые руки бессовестно исследуют ее тело, поглаживают сквозь намокшую одежду.

Дрожа, будто ванна полна льда, женщина слышала, как инквизитор дышит, наполняя горячим дыханием ее волосы, – возбужденно, даже агрессивно, – и чуть касается мягкими губами ее ушка, ее напряженной шеи.

Его горячие ладони взобрались по ее талии, схваченной жестким корсетом, к ее часто вздымающейся груди и нахально извлекли ее из-под мокрой блузы. Женщина шумно ахнула и выгнулась, извиваясь от стыда, страха и возбуждения, когда его пальцы нащупали ее соски и вкрадчиво сжали их, дразня.

Вцепившись руками в борта ванной, женщина постанывала, беспомощно глядя в потолок. Сил оттолкнуть мерзавца у нее почему-то не было; мокрые юбки, плавающие, словно медузы, в воде, сковывали ее движения и были невероятно тяжелы.

Наслаждение накатывало на нее волнами; с каждым прикосновением, с каждым движением белоснежных пальцев женщина кричала от удовольствия, извиваясь и стискивая колени, погибая от желания. Будучи замужем, она никогда не испытывала такой нежной и страстной ласки. И то, что творили с ней лаковые руки инквизитора, казалось ей невероятным, небесным блаженством.

Инквизитор вошел во вкус; он куснул ее в шею, агрессивно и страстно, припал долгим поцелуем, лаская грудь, поглаживая острые соски, блестящие в ночном свете от воды. Удовольствие, которое он доставлял ей такой немудреной лаской, казалось, поднимает ее дух до небес.

Она беспомощно стонала, будто прося о пощаде, но инквизитор был неумолим. Под его руками треснули шнурки, стягивающие корсет, горячая ладонь нырнула туда, прижимаясь к ее голому телу, а вторая ладонь скользнула по ее бедру. Женщина в панике забилась, задрыгала ногами, чувствуя, как он без труда добирается до голого тела, не запутавшись в мокрых юбках, и сжимает руку на ее бедре, прихватывает высоко, касаясь пальцами лобка, стыд-то какой!

Он ловко просунул свои колени между ее и развел ее ноги так развратно, что она ощутила себя стыдливой невинной девственницей на ложе перед искушенным развратником.

Она хотела выкрикнуть, но не смогла. Инквизитор повернул ее лицо к себе и поцеловал – долго, слишком изощренно, как не целовал ее никто иной, никогда. Обручальное кольцо ярко поблескивало на его белоснежном пальце, но отчего-то женщине не казалось, что то, что они сейчас делают, это неправильно. В страстной ласке инквизитора не было пошлости и грязной скотской похоти. Движения его были неторопливы и осторожны.

«С мужем бывает противнее», – почему-то подумала молодая женщина, краснея, но покоряясь его ласкам.

Она билась и извивалась, но он словно не замечал ее стыдливое сопротивление. Его ладонь, добравшись до ее живота, вкрадчиво и медленно скользнула меж ее разведенных ног, и девушка едва не кончила, ощутив, как пальцы инквизитора погружаются в ее тело.

Он поглаживал ее клитор, катая его, как горошинку, чуть прижимая, и женщина скулила и виляла бедрами, наверное, так откровенно и бессовестно впервые в жизни, желая, чтобы это удовольствие никогда не кончалось. Она сама откинулась на грудь инквизитора, зажмурила глаза и, разведя дрожащие колени шире, приняла еще один его поцелуй – как награду за свою покорность.

Одному небу было известно, чем его ласки были лучше ласк ее мужа, да только молоденькая женщина едва не упала в обморок, доведенная руками инквизитора до умопомрачения. А когда его вставший член коснулся ее ягодиц, она оглушительно взвизгнула, и из глаз ее брызнули слезы, когда она ощутила, как его член погружается в нее.

Это было так желанно и так сладко, что женщина на миг замерла, по-новому осмысливая близость с мужчиной, по-новому ее ощущая и принимая.

...И суровый голос инквизитора, зовущий ее, показался ей наказанием и карой, потому что он безжалостно вытряхнул ее из яркого и сладострастного видения, и женщина, хрипло дыша, приходя в себя, отшатнулась от ванны, понимая, что все, что было – всего лишь ей привиделось.

– Что с вами? – настойчиво звал ее чертов альбинос, прогоняя своим голосом остатки чудесного видения. – Вам плохо? У вас видение? Что с вами?

Женщина отступила от ванны, безотчетным движением проведя ладонью по лбу.

– И в самом деле, – прошептала она слабым голосом, ощущая, как трясутся у нее ноги, и как бросает ее в дрожь от прикосновения к мокрому пятну на платье, непонятно как тут оказавшемуся. – Всего лишь видение...

В памяти ее промелькнуло ощущение того, как жесткий член инквизитора проникает в нее, и женщина едва устояла на ногах, потому что живот ее скрутило сладким спазмом. Это было слишком реалистично, настолько живо, что она могла бы поклясться, что была с ним и занималась любовью.

«Стыд-то какой! – в панике думала она. – Не приведи магия, инквизитор поймет, что именно мне привиделось! Наверное, он озверееет от ярости и тогда мне точно не избежать кстра!»

– На вас лица нет, – произнес инквизитор сурово, безо всякого стеснения поднимаясь из ванны. – Что там было? Что вы видели?!

Глянув на голый живот мужчины, и чуть ниже, женщина ощутила, что ноги ее совершенно не держат, и тотчас попыталась упасть, но выпрыгнувший из воды инквизитор не позволил ей этого сделать.

Он сгреб ее в охапку и потащил к кровати, чтоб устроить поудобнее – вот же дьявол! Этого еще не хватало!

Память ее снова предательски кольнуло видение того, как он овладевает ею, как давит на бедра, придерживает за живот, вынуждая принять его член, и женщина снова вскрикнула,

поглощенная магическим удовольствием. Видение, такое живое, такое яркое, не отпускало ее, цеплялось за ее разум все сильнее, и ее счастье, что это были не ее мысли, а послание магии, которое инквизитор прочесть не мог.

– Вы менталист, так? – сказал инквизитор, уложив женщину на постель и кое-как прикрывая свою наготу какой-то одеждой. – Вы можете предвидеть будущее и заглядывать в прошлое?

– Очень слабо, – попыталась возразить женщина. – Чаще всего, это какие-то непонятные, путанные картинки, и непонятно, сбудется увиденное или нет... Скорее всего, нет, скорее всего, это только вероятность, которая могла бы быть...

Женщина сконфужено умолкла. Конечно, то, что она увидела, несбыточно. Этого еще не хватало! Спать с инквизитором! У нее, в конце концов, муж есть! И нет, любовь тут не причем. Но порядочность, чувство долга... нет, нет, думать об инквизиторе грешно!

– Слабо?! – меж тем насмешливо воскликнул инквизитор. – Да вас чуть не стерло магией! Что, что вы видели? Это было будущее?

– Нет, прошлое, – краснея, ответила женщина. – Это не имеет никакого значения... для вашего расследования. Просто эпизод из прошлого.

Она вдруг поняла, что коснувшись инквизитора и его печальной тайны, она нечаянно подсмотрела маленький кусочек его счастливой семейной жизни. И его ласки, его поцелуи, его страсть – это все не ей предназначалось, а той, погибшей...

«Как странно, – почему-то подумала она, сквозь опущенные ресницы тайком наблюдая, как инквизитор спешно одевается. – Такой беспощадный, такой жесткий и суровый – и такой нежный... Держу пари, он не хотел бы, чтоб его враги знали это».

– У вас отличные, глубокие способности, – сказал инквизитор. Он натянул штаны и сорочку и теперь его можно было считать более-менее прилично одетым. – Почему они не развиты, почему вы не умеете ими управлять?

– Так ведь Патрик, – сказала женщина слабым голосом, усаживаясь на постели. – Он говорил, что это нельзя, что это привлечет демонов и злобных духов... Он запрещал развивать такие способности у детей, и моим родителям запретил тоже...

Инквизитор строго хмыкнул, покачал головой.

– Странное какое поведение, – заметил он, – для того, кто призван служить магии. Запрещать своей пастве развивать те дары, что магия вложила в каждого из них.

– Но он служил! – горячо вступилась за Патрика женщина. Инквизитор насмешливо приподнял бровь, недоверчиво хмыкнул, и женщина с жаром закивала. – Еще как служил, рискуя своей жизнью! А иначе кто бы слушал его? Он защищал нас от тех, кто живет во мраке, и защищал хорошо. иначе весь город давно вымер бы, чудовища утащили бы во мрак всех жителей.

– Вот как? И кто же такой особенный живет во мраке?

– Мы не знаем; никто не знает, и Патрик тоже. Мы называем их Пожирателями.

– Что же они пожирают?

– Людей; самую их сущность, – с дрожью в голосе ответила женщина. – Они являются по ночам из тумана, как вы сегодня. Если припозднится путник, или кто-то окажется вне стен своего жилища, Пожиратели настигнут его, заиграют, закружат, измучают. И даже если человеку удастся сбежать, он все равно обречен. Стоит ему посмотреться в зеркало, как он исчезает. Они утягивают его в свой мир, и кто знает, какие муки его там ждут. Поэтому я сегодня поспешила вам открыть – боялась, что Пожиратели вас учуют, и тогда конец вам.

– Какая странная магия у этих Пожирателей, – меж тем скептически отозвался инквизитор. – Если жилище способно ее отпугнуть. Так они не могут пройти сквозь стены? Не могут выломать дверь, разбить окно, чтоб добраться до жертвы, которая им приглянулась?

– Не могут, – подтвердила женщина. – И в том заслуга Патрика. На наших домах он начертил особые метки, на каждом свою. Пожиратели, завидев их, словно слепнут. Кружат, беснуются, но не могут переступить через невидимую защитную линию. Так что как бы ни был виноват Патрик, все-таки город видел от него немало добра и пользы. Может, он оттого и казнил людей, что и сам не знал, откуда ждать беды...

Инквизитор снова скептически хмыкнул.

– Слишком самонадеянно бороться с тем, о чем ничего не знаешь, и не просить помощи, скажем, у высшего Инквизитория.

– Кто поехал бы в нашу глушь?

– Я же приехал.

– Вы приехали по своему делу, а не чтоб нас защитить!

– Так вы и не просили о защите! А те, кто просил – им я ни разу не отказал. Тайные знаки, значит, – протянул он задумчиво. – А знак, похожий на мой, вы видели?

– Какой знак? – произнесла женщина и покраснела.

– Что значит – какой? – удивился инквизитор. – Вы же видели метку на моем теле. Вы коснулись ее рукой. Вы не могли ее не заметить!

– Что? – голос женщины предательски охрип, и инквизитор вскинул брови.

– Что? – переспросил он.

– Метка, – пробормотала женщина. – О... я думала – это мне привиделось...

– Привиделось? – переспросил инквизитор, с подозрением рассматривая собеседницу. – А! Так в вашем видении был я?! Вы думали, что это видение, когда касались меня?

Женщина вспыхнула до корней волос от стыда.

«Касалась! Это мне не почудилось, я действительно трогала его, вот стыд-то! – думала она, припоминая иступленный, полный огня взгляд мужчины, сильную руку, удерживающую ее ладонь напротив его быстро бьющегося сердца и влечение, невероятное, не поддающееся осмыслению и подавляющее ее и без того слабое сопротивление. – Да это он меня приколдовал! Приворожил, подманил! Это он меня захотел! Поэтому я увидела... это...»

– А! Так я был еще и не одет, – зловеще заклекотал инквизитор, весело поблескивая глазами. – И часто вы ведете себя так смело, как в ваших видениях?

– Эй! – разозлилась она. – Я приличная замужняя женщина!

– Это я уже слышал, – произнес инквизитор как-то особо сладко и вместе с тем едко. – Хорошо. Вы будете моей...

– Ах, вот как, господин Инквизитор! Думаете, ваше высокое положение, личное обаяние и привлекательная внешность позволят вам сделать своей любую женщину города?! Я замужняя дама, между прочим! И мой ответ вам – нет!

– ... моей помощницей, – договорил Инквизитор, насмешливо изогнув бровь. – Но ход ваших мыслей мне нравится. Вы находите меня привлекательным? Это приятно.

Молоденькая женщина гневно уставилась в лицо нахала-инквизитора – и снова стыдливо опустила глаза, багровея от стыда и сильнейшего влечения к этому странному, завораживающему человеку.

– Вы же должны знать, что привлекательны, – буркнула она.

– Что такого особо привлекательного вы рассмотрели на моей физиономии? – весело поинтересовался он.

– У вас породистые, правильные, красивые черты лица, – буркнула женщина. – Высокий ровный лоб, высокие скулы. Густые шелковистые волосы. Тонкий прямой нос, красиво очерченные губы. Выразительные глаза... природа потрудились на славу, творя вас. Такая статья и такое мужественное лицо! О, да прекратите же пытаться меня! – гневно вскрикнула она, пони-

мая, что коварный инквизитор снова наложил на нее какое-то тайное заклятье, отчего она болтает без умолку то, что должно было бы быть спрятано глубоко в душе. – Это нечестно, это бессовестно и подло!

– Это почему же? – невинно поинтересовался инквизитор, и она успела заметить, как он прячет в рукав инквизиторскую волшебную палочку. – Разве делать комплименты человеку – это плохо? Мне было очень приятно слышать это.

– А мне неприятно говорить!

– Разве? Мне показалось, что у вас был мечтательный вид, – ехидно заметил инквизитор. – Как будто вы что-то хотели...

– Провести пальцем по вашим губам? – произнесла женщина. – Они кажутся такими мягкими. словно шелковые... да черт вас дери, мерзавец!! Я же просила! Прекратите заколдовывать меня!

– Что? – невинно вытаращил глаза инквизитор. – Я ничего такого не делаю. Вы просто, видимо, почувствовали, что мне можно довериться, вот и разоткровенничались со мной. Может, давно не говорили по душам ни с кем?

– А с кем тут поговоришь? С мужем? Да это просто шкаф с антресолями. Пыльный, пустой, старый и скучный. Разговорить его и добиться от него хотя бы ласкового взгляда просто невероятно...

– Даже так?

– Демоны вас разорви, прекратите!!!

– Да что прекратить? Я просто вас слушаю. Даже вопросов вам не задаю.

–... а Патрик таскается сюда за дешевой выпивкой и затем, чтобы ухватить меня за зад, – доверительно произнесла женщина и закрыла красное от стыда лицо руками. – О-о-о, небеса святые, хватит...

– Ну, хватит, так хватит, – согласился инквизитор. – И, кстати, напоследок: а что за видение посетило вас? Не то, чтобы мне было сильно любопытно, но...

Женщина чувствовала, что признание вот-вот сорвется с ее губ. Инквизитор, подлец, с хитрым прищуром внимательно наблюдал за нею, и молчал, но она чувствовала, как его всеобъемлющая магия щекочет ее, подталкивает, шевелит ее губами, заставляя выдать секрет.

– В моем видении, – выпалила женщина, отняв от лица руки, – вы сидели в этой самой ванне, а я... а я вам отдавалась!

Глава 2

Получив ответ на интересующий его вопрос, инквизитор словно остыл, охладел, упрямился в непроницаемую скорлупу изо льда и пепла, и женщина с облегчением отметила, что его всеобъемлющая магия схлынула, как волна с берега. И говорить откровенные вещи совсем не хочется.

– Зачем вы так!.. – укоризненно выпалила она, отходя от мучительного стыда. – Зачем было выворачивать мою душу наизнанку, зачем было оголять самые интимные мысли и чувства?!

– Зачем было мечтать оказаться со мной в постели? – огрызнулся инквизитор холодно.

– Я не мечтала! – женщина яростно топнула ногой. – Не мечтала! Это было видение, а вы-то не Патрик, вы должны знать, что видения не подвластны разуму! Я не виновата, что мне это привиделось!

– Я вас не виню, – снова огрызнулся инквизитор, небрежно натягивая на плечи свое черное пальто. – Я вовсе не старался тщеславно убедиться, что вы залюбовались на мои несомненные мужские достоинства, как вы об этом подумали. Я должен был убедиться, что в ваших мыслях нет ничего опасного. Вы что, не расслышали? Я пожелал вас в помощницы – должен же я быть уверен, что вы не сосуд зла! Кстати, как ваше имя? Я представился, могу назвать себя еще раз – Тристан Пилигрим, Первый, если угодно. А вы?..

– Софи! – яростно выпалила она. – Меня зовут Софи! И я совсем не собираюсь быть вашей помощницей!

– А это не обсуждается, – спокойно ответил инквизитор. – Мне нужны глаза и уши среди местных, кто-то, кто хорошо все и всех знает. Вы подходите как нельзя лучше... Софи.

Он подошел к разъяренной женщине вплотную и заглянул в ее глаза так глубоко, что казалось – его взгляд касается ее души.

– У инквизиторов, – медленно и веско произнес он, – свои методы допроса. Я пожил достаточно, видел многое. Меня не смутить интимными подробностями жизни простого человека. Ни холодностью мужа, ни похотливостью поклонников. Ни потаенными желаниями по отношению к другим мужчинам, пусть даже и ко мне. При наличии импотента-мужа это как раз нормально и ожидаемо от молодой женщины, – Софи даже захлебнулась от ярости – столько безразличного бесстыдства было в словах инквизитора. – Так что отбросьте ваш стыд и ваши терзания. Я вас не осуждаю.

– Вы!.. – выкрикнула Софи, не находя подходящих слов, чтобы выразить всю глубину ее возмущения. – Вы! Вы надутый самодовольный индюк! Причем тут ваше смущение?! Вас это не смущает – это *смущает меня*! Мне не нравится, что кто-то подсматривает за моими тайными чувствами и мыслями! Или мои чувства в расчет не берутся?!

– В точку, – кивнул инквизитор. – Не берутся. И достаточно яростных криков. Я сделал это только раз, чтобы убедиться в вашей невинности. Больше я так делать не стану – не думаете же вы, Софи, что мне правда интересны подробности ваших отношений с этим рыжим чучелом? Так что можете расслабиться и мечтать о чем и о ком угодно. От вас мне будут нужны только сведения и ответы на вопросы, вот и все. Ну, еще и кров и стол. Вот теперь точно все.

– Да вы не слышите, что я вам сказала?! Нет! Я не хочу вам помогать, я не хочу иметь с вами никаких дел! – выпалила Софи. – Поищите себе другого помощника.

– Я сотру защитный знак с вашей гостиницы, – пригрозил инквизитор преспокойно. – И отрублю вашему Патрику руки, чтоб снова не нарисовал. Не знаю, сожрут ли вас таинственные Пожиратели, но разорит это вас точно.

– Шантажист! – яростно выдохнула Софи, понимая, что ее загоняют в угол. – Вы не осмелитесь этого сделать! Вы не подвергнете людей опасности! Вы не посмеете!

– Интересно, кто в этом городишке, где на костре жгут людей за то, что они левши, мне сможет помешать? Для достижения цели все средства хороши, – парировал инквизитор. – Ну, так что, по рукам?

– А куда это вы собрались на ночь глядя?! – всполошилась вдруг Софи, заметив, что инквизитор полностью одет и готов к выходу. – Вы что, не слышали меня?! В такие сырые туманные ночи за стенами дома не безопасно! Хотите сразу щегольнуть своей силой?! Это глупо и...

Инквизитор уничтожающе посмотрел на Софи, да так, что та замолкла.

– Я ходил по Аду без сопровождающих, – процедил он высокомерно. – Вы что, правда думаете, что какие-то местные дураки, вырядившиеся в грязные простыни и пугающие доверчивых обывателей, смогут мне причинить какой-то вред?! Оставьте свою бесполезную заботу при себе. Я точно могу за себя постоять; встречаться с демонами и нечистью – моя работа.

Он круто развернулся и направился к выходу.

– Так куда вы, демоны вас подери, направились!

Софи кинулась за инквизитором, но нагнать его, широко шагающего, смогла только на лестничном пролете. Сонливость и усталость с нее как рукой сняло. Беспокойство за инквизитора захлестывало ее разум горячими волнами, от которых хотелось или помереть на месте сию минуту, или вцепиться в рукав его черного пальто и никуда не пускать.

– Посмотреть, – небрежно ответил Тристан, – нет ли каких следов. Если очень повезет – то и Пожирателей было б недурно увидеть. Пожалуйста, не запирайте двери на ночь, я не хотел бы никого будить и тревожить, когда вернусь.

– Но если Пожиратели...

– Я начерчу на вашей гостинице такой защитный знак, что и демоны побоятся к ней приблизиться. Не бойтесь; я не чувствую опасности.

Он спешно спустился по лестнице, оставив растерянную и слегка напуганную Софи на лестничном пролете.

Стоило стихнуть его шагам, как дверь комнаты мужа Софи распахнулась, как по мановению волшебной палочки, и сам он, красный от гнева, со встрепанными волосами, возник на пороге.

Это был высокий, крепкий черноволосый мужчина, старше Софи лет на пятнадцать, еще не старый, но уже солидный, зрелый, в самом расцвете лет. В нем не было легкой подвижности юности, зато было полно старческого недоброго брюзжания.

– Та-ак, – зловеще протянул он, сунув большие пальцы рук в кармашки жилета и зловеще покачиваясь на носках ботинок. – На часах полночь, а ты все еще не в постели?! Да еще и таскаешься за посторонним мужчиной, шлюшка!

– Я вовсе, – жалко пролепетала Софи, покорно опуская голову и перебирая трясущимися пальцами краешек передника, – я не таскалась, что вы такое говорите!

Выволочки от Ричарда были делом обыденным; хитрый, как краб, он целыми днями прятался в своей комнате, покидая ее изредка – пообедать и выехать по делам. Он мог слышать, как к Софи пристает Патрик или какой другой подвыпивший посетитель, но вступаться за нее не спешил. Зато потом, наедине, мог закатить ей скандал, а то и отвесить звонкую оплеуху, мстя за собственную осторожную, продуманную трусость.

– Я все слышал, – с победным видом выкрикнул он, словно ему доставляло радость уличить свою жену в неверности. – Ты ему на шею вешалась! Требовала сказать, куда он пошел, словно он тебе муж! Это что, поведение приличной женщины?! Дешевая потаскуха, ты должна мне ноги целовать за то, что я женился на тебе!

– Женились вы на мне, – прогудела себе под нос Софи упрямо, хотя эта дерзость грозила ей побоями, – потому что захотели мою гостиницу в качестве источника доходов! И это смотря

еще кто кому должен ноги целовать! Я кручусь целыми днями, работаю, не покладая рук, а вы лишь деньги считаете! Да еще и упрекаете меня во всех смертных грехах!

– Мерзавка! Ты как смеешь раскрывать свой грешный лживый рот?! – взревел Ричард, замахиваясь.

Софи зажмурилась, ожидая, что пощечина обожжет ей щеку, но удара не последовало.

Из темноты, окутывающей нижний пролет лестницы, вынырнул инквизитор. Сначала проступило его белое лицо, затем блеснули алые глаза и пуговицы на его пальто, а потом появился и весь он.

Ричард, заведя нового постояльца, тотчас же спрятал руку за спину и натянул на лицо гаденькую приветливую улыбку.

– Что здесь происходит? – поинтересовался инквизитор сурово.

– Так, ничего, – ответил Ричард. – Небольшая семейная сцена.

И он зло посмотрел на Софи, всем своим видом давая ей понять, что раскрывать рот ей не стоит.

Но Тристану не надо было ничего объяснять, слышал достаточно и дураком не был.

– Не смейте, – процедил он, уничтожающе шуря алые глаза, – трогать эту женщину!

Ричард недобро усмехнулся, смерив взглядом изящную фигуру Тристана.

– А ты кто таков, – внезапно грубо произнес он, – чтобы вмешиваться в мои отношения с моей женой? Она провинилась, и я имею все права...

– Все права, – рыкнул Тристан недобро, поднимаясь еще на ступеньку, – здесь имею я, как и во всех землях, что принадлежат династии Зимородков. Это раз. Второе – вы неподобающе непочтительны ко мне. На первый раз я вам прощу, но помните – к инквизиторам обращаются иначе. Желательно, стоя на одном колене и склонив голову!

Ричард мгновенно потускнел и как будто бы стал ниже ростом, съезжился от страха.

– Простите, ваша милость! – выпалил он поспешно. – Я же не знал!..

– Вот с этих пор знаете, – холодно ответил Тристан. Черный его меч, словно сам по себе живущий, вдруг оказался в руке инквизитора, и тот, неспешно водил им по груди Ричарда, острием повторяя золотое шитье на его жилете. – Эта женщина назначена мной в помощники инквизитора. Теперь она принадлежит мне – до тех пор, пока мне не вздумается ее отпустить. Она будет жить отдельно от вас, мне прислуживать и делать то, что я велю. Ясно?

– Но это моя жена, – попытался возразить Ричард. – А супружеский долг...

– Что?! – зловеще проклекотал инквизитор, строя ужасную злую рожу. – Супружеский долг, когда у вас под крышей живет инквизитор?! Порочный похотливый грешник! Какое чудовищное неуважение! Никаких женщин! Не смейте ее касаться, если не хотите познать мой гнев!

– Да, ваша милость, – пролепетал Ричард.

– Идите с глаз моих долой! – прикрикнул Тристан, и Ричард, деревянно поклонившись, юркнул в свою комнату.

Софи перевела дух.

– Спасибо за заступничество, – шепнула она заговорщически, – но зачем вы сказали Ричарду, что... ну, что нельзя?! Это ведь ложь, вы же сами были женаты!

– Что? – удивился Тристан. – Я просто соврал, пользуясь его невежеством, чтобы он от вас отстал и не запугивал. Если вы все время будете трястись от страха и думать о гневе мужа и наказании, толку от вас будет маловато.

– Соврал?! – поразились Софи.

– Ну что?! Вашему Патрику можно, а мне нет, что ли?!

И Тристан, рассерженно фыркнув и потряхнув головой, снова сбежал вниз по лестнице и растворился в ночном мраке.

***

Тьма наступала.

Туман окутывал все, рвался клочьями, развешивался на ветвях деревьев рваными сава-нами покойников. Тристан шел по пустынной тихой улице города, и ему казалось, что его собственная тень крадется за ним вслед, боясь жуткой зловещей тишины.

Тристан же только посмеивался, предвкушая драку, которую желал всем сердцем. Привычно заныл мизинец, тот самый, который когда-то был отсечен в драке, заменен золотым наперстком и пришит волшебной иглой Ветты. Потемнело в глазу и нестерпимо зачесался кончик носа. Старые раны напоминали о себе и о допущенных ошибках. Нужно быть внимательнее, да, чтобы никто не отхватил в поножовщине кусок носа... Ведь волшебной нити и иглы больше нет, никто не починит, не вернет приличный вид.

Он слышал острожные крадущиеся шаги за своей спиной, шорох осыпающихся камешков, чувствовал недобрые взгляды, сверлящие его спину, но не оборачивался, чтобы не показывать недоброжелателям, что чувствует их. Единственное лишнее движение, что себе позволил – так это чуть шевельнул плечом, двинул рукой, выпуская из рукава в ладонь нож.

Обычный нож.

Такими дерутся в темных переулках головорезы, бандиты, воры, убийцы и все те, у кого кровь слишком горяча и душа просится в небо поскорее. Тристан, хоть и рос в королевском дворце, хорошим воспитанием не отличался, а курить и драться на ножах научился быстрее, чем читать и писать.

И сейчас ему пригодился бы именно нож; не черный строгий инквизиторский меч, а простой разбойничий нож, острый и крепкий, с рукоятью, удобно лежащей в ладонь. Потому что следили за ним не призраки и не демоны, а обычные люди, из плоти и крови.

– Отличная ночь для того, чтобы пустить кому-нибудь кровь, – произнес Тристан кровожадно, усмехаясь совершенно по-разбойничьи, склоняя беловолосую голову, чтобы никто не угадал адской усмешки на его губах, такой неподходящей для строгого, благообразного инквизитора. Кровь его кипела от предвкушения драки, от жажды мести, от желания чужой боли. – Вы ответите мне за Изольду, псы... Сегодня же будете показывать свои дешевые фокусы сатане.

Он шагал по улице, не таясь и усмехаясь, и улыбка его не предвещала ничего хорошего для тех, кто вздумал его пугать.

Недоброжелатели осмелели, зашевелились, уже не осторожничая. Заржал конь; Тристан обернулся и увидел всадника на черном горячем скакуне. Ночной свет обнимал его, на ветру бились тонкие, как черный дым, рваные ленты, из которых была пошита его одежда.

– Обычное пугало для темных селян, – процедил Тристан тихо, усмехаясь и чуть отступая назад. – Ну, давай, напугай меня. Заставь бежать.

Со стороны могло показаться, что он – красивый чистенький и опрятный приезжий, – напуган и потрясен, но этот неверный шаг нужен был для того, чтобы обмануть соперника, внушить ему, что одинокий путник парализован от страха и ничего не сможет ему сделать.

Сбруя коня была похожа на древние шипастые латы, лошадь – громоздкое ряженное животное, – казалось каким-то мифическим чудовищем. Пуская огненными ноздрями клубы пара, конь фыркал и бил копытом, и Тристан отступил еще на шаг, медленно, осторожно, заманивая в ловушку нападающего.

Тот поверил; наверняка ведь знал, что перед ним приезжий инквизитор – такие вести быстро разлетаются даже по спящим городам, – но много лет, что он держал город в страхе, притупили его бдительность. Он уверовал в свою непобедимость и неуязвимость, а потому весьма самонадеянно дал коню шпоры и помчался прямо на замершего на мостовой Тристана.

Тристан не двигался; в руке всадника, погоняющего храпящего коня, он увидел магический кнут – вещица слабая, годная лишь для того, чтобы напугать и отнять немного магии и очень много сил. Но все же сечет он больно; очень больно...

В памяти Тристана вспыхнуло яркое видение – красный магический ожог на белоснежной коже мертвой прекрасной руки.

И так же ярко вспыхнула его ярость, затопив разум.

– Я тебе этот кнут затолкаю в глотку поперек! – взревел он, бросившись вперед.

Черной юркой тенью он поднырнул под черное чудовище, полоснул безжалостно по конскому брюху, вспарывая шкуру и перерезая подпругу седла. Могучий зверь с громовым ржанием от боли взвился на дыбы, танцуя на задних ногах и скидывая наездника.

Тот, нелепо маша руками, сверзился на мостовую, грохнувшись об булыжники всем телом, приложившись затылком, и затих.

Зато вместо него появились еще и еще всадники, трое или четверо, все как один ряженные и с кнутами. Кованные копыта лошадей грохотали по мостовой, магические кнуты свистели, разгоняя ночную тишину.

– А, так вы толпой сечете своих жертв, – шепнул Тристан, окровавленной рукой отирая губы. – Вот почему люди лишаются сил и не могут том противостоять магии...

Впрочем, болтать было некогда. Окруженный, Тристан завертелся на месте, старясь угадать, кто первый на него набросится.

– Давайте, идите ко мне...

Он подхватил магический кнут, оброненный сбитым с коня негодяем, и, взмахнув им над головой, оглушительно щелкнул, метя по ногам лошадей. Звонкое эхо с треском порвало тишину, заржали лошади, перебирая обожженными ногами.

Всадники решили атаковать Тристана тем же способом, каким он отбивался от них. Но он, разгоряченный, разъяренный, озверевший, словно не замечал ударов их хлыстов; те немногие магические ожоги, что достигали верткой цели, не отнимали у него много сил.

– Чайной ложкой океан не вычерпать!

Один из хлыстов захлестнулся вокруг белоснежной ладони, и Тристан, крепко зажав его, рванул на себя, сдернув всадника с седла под ноги его лошади. Затем он с яростным ревом ожег магическим ударом коня, и тот взвился на дыбы, едва не затоптав сброшенного седока.

Возникла свалка; встретив серьезное сопротивление, нападающие бестолково закрутились, понукая храпящих коней, которых Тристан сек и сек, заставляя избавляться от всадников.

– Спешиться! Спешиться! – прозвучал приказ, и негодяи спрыгнули с седел на мостовую. – Он один! Прирежем его!

– Давай, рискни приблизиться ко мне, – огрызнулся Тристан, распаленный дракой.

Ряженные, обозленные от первой неудачи, окружили его, приближаясь осторожно. Магические хлысты поблескивали в их руках пробегающими по кнотовищу вспышками магии. Один из ряженных прыгнул вперед, замахиваясь – и кнут Тристана захлестнулся у него на горле, душа и обжигая, лишая той немногой магии, что теплилась в его теле. Тристан рывком приблизил к себе человека, так близко, что ощутил на своей щеке его сиплое горячее дыхание, а тот наверняка учуял запах крови, что исходил от Тристана. На миг они сплелись, словно добрые друзья, в объятьях друг друга, столкнулись, а нож Тристана, поздоровавшись с брюхом ряженого, пробил под ребрами, коварно кольнув сердце, и почти сразу же выскользнул из тела, отняв жизнь в единый миг.

Ряженный упал мертвым, даже не поняв, что произошло, а Тристан откинул кнут и перекинул окровавленный нож в другую руку.

– Что же ты, инквизитор, – укоризненно прошептала тьма. – Кровожаднее, чем головорез с большой дороги...

– Одно не помеха другому, – ответил Тристан и страшно расхохотался, учуяв азарт охотника и дрожь жертв в нападающих. – Я и демоном побывал. И все же служу магии и людям.

Трое оставшихся, набравшись смелости, напали разом, расписывая инквизитора ударами своих хлыстов. Но боль только сильнее ярила его; вертаться волчком, чтобы ожоги не доставали

его, Тристан нападал на ряженных, и его нож перешибал кнутовища, кромсая магическое дерево и пальцы, сжимающие его.

В закоулке вмиг стало шумно; вопли раненных, визг кнутов, крики ярости – все смешалось в единый клубок драки. Лишенные магических хлыстов, нападающие тоже были вынуждены похватать ножи, такое грубое, примитивное оружие. Посеченные окровавленные пальцы нападающих скользили по рукоятям, их ладони теперь здорово напоминали искаленную руку инквизитора, когда-то лишившегося пальца в бою...

– Где же твоя магия, инквизитор, – кричали они, целя свои ножи в сторону Тристана. – Сражайся как маг!

– Маги со свиньями не дерутся! – огрызнулся Тристан.

Все свелось к банальной свалке, к поножовщине, и это пугало нападающих. В неистовой драке, в которую инквизитор их втянул, они поняли, что он хочет не просто их смерти – он хочет попробовать их крови.

Размахивая клинком, иссекая их руки и лица, пуская кровь, нанося много мелких болезненных ран, он упивался разливающимся сладковатым запахом, страхом врагов и вкусом их крови. Нанеся очередную болезненную рану одному из врагов, он с жутким хохотом облизнул окровавленное лезвие, и глаза его вспыхнули жутким светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.